

К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ МОДАЛЬНОСТИ В ЛИРИКЕ Т. Г. ШЕВЧЕНКО ПЕРИОДА ОРЕНБУРГСКОЙ ССЫЛКИ

Период оренбургской ссылки (1847–1857), по своей продолжительности и объёму написанного сопоставимый с предшествующим и последующим этапами литературной активности Т. Г. Шевченко, стал важной вехой в развитии его творческой индивидуальности. Хотя насильственная изоляция существенно ограничила возможности контактов поэта с внешней культурной средой, но позволила приобрести уникальный жизненный опыт, послуживший мощным импульсом развития его авторских интенций.

Несмотря на «строжайший надзор, с запрещением писать и рисовать», за годы оренбургской ссылки Шевченко написал более 100 стихотворных произведений. Среди лирических сочинений преобладают стихотворения медитативного характера, в которых поэт пытается осмыслить и объяснить причины жизненных невзгод, выпавших на его долю. Поэзию этого периода пронизывают настроение безысходной грусти и щемящее чувство тоски по Украине, с которой связаны ностальгические воспоминания, горькие раздумья о её прошлом и настоящем. Существенно усиливается персоналистическая основа шевченковского лирического дискурса, который отличают ярко выраженная субъектная позиция и сильный личный тон. Личные переживания поэта, инспирированные арестом и ссылкой, стимулировали авторскую экспрессивность, утверждающую человеческую личность как высшую духовную ценность. Мысль о страдальческой судьбе человека нередко принимает у Шевченко форму молитвенно-богоборческого дискурса и обретает масштаб онтологического обобщения.

В стремлении объяснить причины драматических коллизий собственной судьбы поэт приходит к выводу: жизнь человека обусловлена обстоятельствами надличностного порядка, что не снижает уровня его моральной ответственности. Творческий опыт М. Ю. Лермонтова, с которым Шевченко в стихотворениях периода ссылки вступает в поэтический диалог, укрепляет его в мысли, что осознанный статус поэта как оракула Высшей истины не только усиливает меру этой ответственности, но и накладывает особый трагический отпечаток на жизненную судьбу его носителя.

Ключевые слова: Т. Г. Шевченко, литература Урала, лирическое сознание, авторская модальность, поэтический диалог.

Жизненная и литературная судьба великого украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко была щедрой на неожиданные повороты и непредсказуемые стечения обстоятельств. Впрочем, у всех этих зигзагов судьбы, по всей видимости, есть своя, высшая логика, во многом обусловленная спецификой современной ему культурно-исторической ситуации и особенно решительной и бескомпромиссной личностью самого автора «Кобзаря». Во всяком случае, охватывающий более десятка лет «уральский» период жизни Шевченко (1847–1857), по своей продолжительности и объёму написанного сопоставимый с предшествующим и последующим этапами его творческой активности, стал вполне закономерным следствием сознательной жизнотворческой стратегии поэта и оказался яркой и оригинальной страницей истории литературы Урала середины XIX столетия.

Как известно, основанием для ареста и последующей ссылки поэта была его причастность

к деятельности т. н. «Кирилло-Мефодиевского братства», которое, по словам О. Бигуна, в стремлении «определить проблемы отношений между государственной властью и народом, между отдельными государствами, а также определить стремление своего народа как нации» [2, с. 10], преследовало цель освобождения Украины от власти имперской метрополии и создания всеукраинской федерации народов Украины, России, Польши, Чехии, Сербии и Болгарии. Поводом же послужило, как сказано в официальном документе, сочинение «стихов, на малороссийском языке, самого возмутительного содержания», в которых «он [Шевченко. – Д.Л.], то выражал плач о мнимом порабощении и бедствиях Украины, то возглашал о славе гетманского правления и прежней вольности казачества, то с невероятной дерзостью изливал клеветы и желчь на особ императорского дома» [16, с. 130].

Как правило, исследователи выделяют четыре основных периода литературной ак-

тивности Шевченко времён его оренбургской солдатчины, резонно связывая их с местом непосредственного пребывания опального поэта:

– июнь 1847 – май 1848 г. – время пребывания писателя в Орской крепости;

– май 1848 – октябрь 1849 г. – период, связанный с участием поэта в работе экспедиции Алексея Ивановича Бутакова по обследованию Аральского моря;

– ноябрь 1849 – апрель 1850 г. – перевод в административную и культурную столицу Южного Урала – Оренбург;

– октябрь 1850 – июль 1857 г. – повторная (в связи с обнаружившимся нарушением запрета писать и рисовать) ссылка в Новопетровское укрепление, находящееся на северо-восточном побережье Каспия [8, с. 139–229].

Каждый из указанных периодов отмечен разным уровнем творческой активности поэта, однако следует заметить, что насильственная изоляция несколько ограничила возможности его контактов с внешней культурной средой, но позволила приобрести уникальный жизненный опыт, послуживший мощным импульсом развития его авторских интенций.

Так, несмотря на «строжайший надзор, с запрещением писать и рисовать» [16, с. 133], только за 11 месяцев своего пребывания в Орской крепости Шевченко написал более 20 стихотворных произведений (в том числе 5 поэм: «Княжна», «Іржавець», «Чернец», «Москалева криниця», «Варнак»), которые вошли в состав первой и второй «захалавных» книжек: рукописных сборников стихотворений, рисунков и кратких заметок.

Значительный объем текстов первой и в особенности второй книжек составила подборка лирических произведений медитативного характера, в которых Шевченко пытается осмыслить и объяснить причины жизненных невзгод, выпавших на его долю. Так, в стихотворении «N. N. («О думи мої! О славо злая!...»)) лирический герой стремится подчеркнуть неразрывную связь своей личной судьбы и исторической судьбы «безталанной свей Вкраїни» своего многострадального Отечества:

О думи мої! О славо злая!
За тебе марно я в чужому краю

Караюсь, мучуся... але не каюсь!..
Люблю, як щиру, вірну дружину,
Як безталанну свою Вкраїну!
Роби, що хочеш, з темним зо мною,
Тільки не кидай, в пекло з тобою
Пошкандибаю [17, II, 47].

Поэзию этого периода («Самому чудно. А де ж дітись?..», «А.О. Козачковському», «То так і я тепер пишу...», «А нумо знову віршувать...», «Ой гляну я, подивлюся...» и др.) пронизывают настроение безысходной грусти, щемящее чувство тоски по Украине, с которой связаны ностальгические воспоминания, горькие раздумья о её прошлом и настоящем.

Примечательно то, что уже с середины 1847 года существенно усиливается персоналистическая основа шевченковской лирики. Ярко выраженная субъектная позиция и сильный личный тон, как известно, и ранее были присущи его поэтическим сочинениям, однако личные переживания поэта, инспирированные арестом и ссылкой, ещё более акцентировали авторскую экспрессивность, утверждающую человеческую личность как высшую духовную ценность. Мысль о страдальческой судьбе человека, ангажированная личным жизненным опытом поэта, нередко принимает у Шевченко форму молитвенно-богоборческого дискурса и обретает масштаб онтологического обобщения:

Один у другого питаєм,
Нащо нас мати привела?
Чи для добра? Чи то для зла?
Нащо живем? Чого бажаєм?
І, не дознавшись, умираєм,
А покидаємо діла...

Які ж мене, мій Боже милий,
Діла осудять на землі?
Коли б ті діти не росли,
Тебе, святого, не гнівили,
Що у неволі народились
І стид на Тебе понесли [17, II, 53].

В этих стихах явственно ощущаются мотивы поэзии Ю. М. Лермонтова, собрание сочинений которого автор «Кобзаря» просит прислать М.М. Лазаревского в декабре 1847 года. Назы-

вая стихи Лермонтова «поэзией святой» [17, VI, 39], находящийся в Орской крепости Шевченко, по всей видимости, лично переживает страстный накал лермонтовского поэтического слова и с жаром откликается на это диалогически призывное слово.

Наряду с этим, в лирике Шевченко постепенно намечается и иной эмоциональный модус. Воспоминания о прошлом, овеянные радостью общения с друзьями, свободного творчества и пребывания вблизи днепровских просторов, порождают надежду на возможное освобождение, стремление примириться с волей Создателя и простить свои страдания всему миру:

Якби сказати, що не люблю,
Що я Украйну забуваю
Або лукавих проклинаю
За те, що я тепер терплю,
Єй-богу, братія, прощаю
І милосердому молюсь,
Щоб ви лихим чим не згадали [17, II, 70].

Ещё более интенсивным было поэтическое сочинительство Шевченко во время Аральского похода. Особенно плодотворной оказались осень и зима 1848–1849 гг., которую участники экспедиции провели на острове Косарал в устье Сырдарьи. За время пребывания в этом уединённом уголке Аральского побережья он написал более 70 поэтических произведений [5, с. 224–225], среди которых можно выделить три основные жанрово-тематические группы. Наиболее многочисленный корпус поэтических текстов этого периода составляют лирические сочинения, стилизованные под украинский народно-песенный репертуар («Якби мені черевки...», «Ой виострю товариша...», «По улиці вітер віс...», «Ой сяду я під хатою...», «У неділеньку та ранесенько...» и др.). Как известно, Шевченко был знатоком и тонким ценителем народной песни, любовь к которой, зародившуюся ещё в детстве, он пронёс через всю свою жизнь. В середине 1840-х гг. в своих поездках по Украине он записывал их отдельную тетрадь и часто к ним обращался [3, с. 405]. В годы ссылки народная песня служила ему напоминанием о родной стороне и укрепляла дух.

В основном они написаны от лица молодого казака, мечтающего о вольной жизни, или страдающей от несчастливой любви девушки-селянки. Вообще мотив неразделённой любви, сквозной в лирической поэзии Шевченко, как правило, обусловлен ситуацией имущественного и сословного неравенства влюбленных, что придаёт лирическому монологу интонацию обречённости и особым образом маркирует систему поэтической лексики:

Из-за гаю сонце сходить,
За гай і заходить.
По долині увечері
Козак смутний ходить.
Ходить він годину,
Ходить він і другу.
Не виходить чорнобрива
Із темного лугу,
Не виходить зрадлива...
А з яру та з лісу
З собаками та псарями
Їде пан гульвіса.
Цькують його собаками,
Крутять назад руки
І завдають козакові
Смертельніе муки,
У льох його, молодого,
Той пан замикає...
А дівчину покриткою
По світу пускає [17, II, 139].

Как отмечают современные украинские исследователи, в песенной лирике Шевченко «вся система поэтических образов и поэтической системы языка выросла из практики народного создания песен» [9, с. 35]. И тем не менее, это продукт индивидуально-поэтического творчества, в котором ярко выражен авторский жизненный и духовный опыт.

Другая группа стихотворений – это баллады и поэмы («Швачка», «У тієї Катерини...», «У неділеньку у святую...», «Заступила чорна хмара...» и др.), написанные большей частью по мотивам украинского эпоса [12, с. 86]. Магистральным в них оказывается сюжет о поруганной любви, который варьируется в многочисленных образных и ситуативных модификациях: вот молодая казачка, из корысти блудившая с паном, предаёт своего мужа, а

сама оканчивает свой век в нищете и унижении («Меж скалами, неначе злодій...»); вот барин отдаёт своего крепостного в солдаты сразу после его свадьбы, молодую жену силой берёт в наложницы, но в итоге погибает от её руки («Марина»); вот старый сотник намерен жениться на своей юной воспитаннице, но она убегает с его сыном и выходит за него замуж, а сотник спивается и умирает («Сотник») и т. п. Во всех такого рода произведениях господствует этический императив автора: человек ответственен за все свои поступки, и высшая справедливость воздаёт каждому по его заслугам. И, как отмечает украинский исследователь А. Гудима, «в лиро-эпических поэмах Т. Шевченко главенствующим выступает мотив искупления. Посредством искупления в универсуме священного устраняются порочность, посягательство на порядок, моральные преступления шевченковских героев, а чаще героинь. Такое возрождение – один из способов преодоления зла. Искупление героев лиро-эпических поэм является созиданием ими себя, поскольку целью становится не аскеза, а возрождение к полноценной жизни» [4, с. 34].

Третья группа произведений, написанных на Косарале, – это лирические произведения авторефлексивного характера. Следует заметить, что смысловая оппозиция «родина – чужбина», в целом присущая шевченковской романтической поэзии периода оренбургской ссылки, приобретает в лирике второй половины 1848–1849 гг. новые черты. Элегический модус поэтических размышлений остаётся неизменным, однако он корректируется здесь образными деталями, отражающими реалии экспедиционной жизни, как то тщетное ожидание писем от друзей, вечерние раздумья на корабельной палубе, прогулки и сочинение стихов на берегу Аральского моря и т. п. («Добро́, у кого є господа...», «Ну що б, здавалося, слова...», «Мов за подушне, оступили...», «Готово! Парус розпустили...» и др.).

Изгнанничеству и отчуждённости как состоянию, в котором пребывает лирический герой Шевченко, противопоставлены воспоминания об утраченной родине, чей образ складывается из набора устойчивых атрибутов. В частности, это тепло семейного очага, которого, впрочем, у лирического героя «таки зроду

... не було» [17, II, 87], но сама мысль о возможности его обретения играет роль жизненного стимула. Родина в сознании лирического героя ассоциируется с родной речью и песней («Ну що б, здавалося, слова...», «Буває, іноді старий...», «І знов мені не привезла...»), при звуке которых «серце б'ється – ожива, / Як їх почує!.. Знать, од Бога / І голос той, і ті слова / Ідуть меж люди» [17, II, 94]. Образ родной стороны неразрывно связан и с воспоминаниями об упоительной женской красоте, возвышенной любви, бескорыстной дружбе, благородных порывах молодости («Г.З. (“Немає гірше, як в неволі...”»), «Якби зострілися ми знову...», «І знов мені не привезла...» и др.).

Но элегический хронотоп переживаний лирического героя с его идеализацией прошлого существенно корректируется тягостными раздумьями об униженной «панами лукавими» Украине («П.С. («Не жаль на злого, коло його...»)), «І виріс я на чужині, «Якби тобі довелось...», «Заросли шляхи тернами...», «Дурні та гордії ми люди», «Ми вкупочці колись росли...»), с исторической судьбой которой поэт нередко соотносит свою персональную судьбу:

Погано дуже, страх погано!
В оцій пустині пропадать.
А ще поганше на Україні
Дивитись, плакати – і мовчати

[17, II, 120].

В связи с этим получает развитие и другой, смежный с ним лирический мотив, впервые зародившийся ещё в ранний петербургский период (см., например, «Н. Маркевичу», 1840), – мотив чужбины на родине, о котором, в частности, упоминает Ю.Я. Барабаш: «Понятие «неволи» ассоциируется как с чужим краем, местом ссылки, так и с «чужбиной» на далёкой родине, лишённой воли, этой высшей ценности и важнейшего символа бытия, основополагающего элемента национального самосознания» [1, с. 113].

По ощущению лирического героя, тоску изгнания может приглушить только творчество («Мов за подушне, оступили...», «Не для людей, тієї слави...», «Неначе степом чумаки...», «Хіба самому написать...»), посредством которого восстанавливается духовная связь с да-

лёкой родиной и оживает смутная надежда на возможность возвращения:

Не для людей, тієї слави,
Мережані та кучеряві
Оці вірші віршую я.
Для себе, братія моя!
Мені легшає в неволі,
Як я їх складаю,
З-за Дніпра мов далекого
Слова прилітають.
І стеляться на папері,
Плачучи, сміючись,
Мов ті діти [17, II, 121].

Размышляя о роли художественного творчества в собственной судьбе и о трагической миссии поэта в целом, Шевченко вновь вступает поэтический диалог с М. Ю. Лермонтовым, начатый ещё в Орской крепости. Так, в конце сентября – начале октября 1848 года он написал стихотворение «Пророк», очевидно перекликающееся с одноименным лермонтовским сочинением. Соотнесённость двух поэтических текстов обнаруживается, в первую очередь, на уровне ситуативной аналогии: исполненный любовью к людям Господь отправляет на землю пророка, наделённого высокой учительной миссией (ср.: «Провозглашать я стал любви / И правды чистые ученья» [10, с. 203] – «Свою любов благовістити! / Святу правду возвістити!» [17, II, 109]), однако ослеплённое меркантильными ценностями человечество не пожелало услышать Божий призыв и подвергло Его вестника жестоким гонениям (ср.: «В меня все ближние мои / Бросали бешено камня» – «І мужа свята... горе вам! / На стогнах каменем побили»).

Вместе с тем, сохранив метрику лермонтовского стиха (4-стопный ямб), Шевченко отказывается от субъектной формы первого лица и организует лирический монолог в повествовательной манере, который дважды перемежается прямыми авторскими обращениями («горе вам!», «роде лютий і жестокий!»), тем самым сочетая обобщённый характер лирического дискурса с субъективно-эмоциональными инверсиями. Кроме того, Шевченко сознательно вводит в текст образное сравнение из арсенала украинской культурно-топографической

символики («Неначе наш Дніпро широкий, / Слова його лились, текли») и акцентирует мотив силы пророческих слов, которые «в сердце падали глубоко! / Огнем невидимым пекли / Замерзли души. Полюбили / Того пророка, скрізь ходили / За ним і сльози, знай, лили / Навчені люди».

По мере развития лирического сюжета «Пророк» Шевченко обретает смысл, принципиально отличный от лермонтовского претекста. Здесь не просто облечённая в форму притчи [13, 120] констатация факта трагического отчуждения поэта-пророка человеческим сообществом, но и сообщение о его последствиях: по воле разгневанного Господа, человечество начинает ковать кандалы, строить тюрьмы, а вместо «кроткого пророка» получает царя. В таком финале нетрудно угадать косвенную отсылку к участи самого автора. Вооружённый опытом лермонтовского поэтического персонализма, Шевченко обретает новые пути художественного опосредования авторского сознания, поднимая факт собственной биографии до уровня предмета искусства.

Поэтический диалог с Лермонтовым продолжается и во время краткосрочного пребывания поэта в Оренбурге в конце 1849 – начале 1850 гг. Так, стихотворение «Мені здається, я не знаю...» построено на контрасте с лермонтовским «Когда волнуется желтеющая нива...» с использованием прямых отсылок к нему. Если лирический герой Лермонтова способен «постигнуть счастье на земле» и «в небесах увидеть Бога» обретает в результате эстетического созерцания природной гармонии («Когда росой обрызганный душистой, / Румяным вечером или утра в час златой, / Из-под куста мне ландыш серебристый / Приветливо кивает головой...») [10, с. 69], то у Шевченко «ми ... оживаем / І чуєм Бога в небесах» [17, II, 221] лишь тогда, когда священные слова поэта воспринимаем на веру, потому что окружающая нас действительность способна лишь посеять сомнения в самой возможности Божественного присутствия. Абсурдные инверсии, господствующие в мире человеческих отношений, порождают в сознании лирического субъекта парадоксальную мысль о том, что «люде справді не вмирають, / А перелізе

ще живе / В свиню абощо, та й живе» [17, II, 220]. Эта фантазмагорическая реинкарнация, по мнению лирического субъекта Шевченко, есть косвенное свидетельство Высшего наказания грешников, мера которого прямо пропорциональна степени греховности человека в его предшествующей жизни: «Купається собі в калюжі, / Мов перш купалося в гріхах»; «Жили ви лютими звірми, / А в свині перейшли!» [17, II, 220]. В результате складывается образ земного ада, в котором не только осуществляется наказание грешников, но и протекает мучительное существование забытых Богом «простих сірих». Единственным утешением страждущих и напоминанием о Божественной благодати, о самой её потенциальной возможности может служить лишь слово Поэта, персонифицированным выражением которого, по мнению автора, является Лермонтов, и именно ему адресованы в стихотворении следующие патетические строки, в которых упоминаются основные темы лермонтовской поэзии:

Де ж ти?
 Великомучениче святий?
 Пророче Божий? Ти меж нами,
 Ти, Присносущий, всюди з нами
 Витаєш ангелом святим.
 Ти, любий друже, заговориш
 Тихенько-тихо... про любов
 Про безталанную, про горе,
 Або про Бога, та про море,
 Або про марне литу кров
 З людей великими катами.
 Заплачеш тяжко перед нами,
 І ми заплачемо... Жива
 Душа поетова святая,
 Жива в святих своїх речах
 [17, II, 220–221].

Мотив «земного ада» (или его инверсий «мнимого рая», «грешного рая») по-разному варьируется и в других лирических опусах Шевченко, написанных в Оренбурге («Якби ви знали, паничі...», «Не молилася за мене...», «Чи то недоля та неволя...» и др.), и даже воспоминания о родимой стороне, об отчем доме

содержат отчётливо выраженную инфермальную коннотацию:

За що, не знаю, називають
 Хатину в гаї тихим раєм.
 Я в хаті мучився колись,
 Мої там сльози пролились,
 Найперші сльози; я не знаю,
 Чи єсть у Бога люте зло!
 Що б у тій хаті не жило?
 А хату раєм називають! [17, II, 222].

Вынужденное существование в условиях земного ада неизменно повергает лирического героя в состояние одиночества, бесприютного скитальчества и душевного омертвения, которое в свою очередь влечёт за собой ощущение преждевременного старения. Не случайно, последнее из написанных в Оренбурге (да и вообще в ссылке) лирическое стихотворение представляет собой сон, в котором перед умственным взором лирического субъекта разворачивается живописная картина: в тени раскидистой вербы у порога белёной хаты сидит седой дед, ласкает своего маленького внука и, прочитав «Отче наш», думает о том, что Господь справедлив и злу в этом мире нет места. Можно предположить, что поэтическая идиллия «І досі снится: під горою...», откровенно контрастирующая на общем фоне страстных лирических монологов Шевченко, выражает эстетический идеал поэта и моделирует его несбыточную мечту о естественной гармонии бытия.

Таким образом, авторское сознание Шевченко-лирика развивалось по мере накопления его личного жизненного опыта. В годы ссылки поэт стремится объяснить причины драматических коллизий собственной судьбы и приходит к выводу о том, что жизнь человека обусловлена обстоятельствами надличностного порядка, но это не снижает уровня его моральной ответственности. Творческое наследие М.Ю. Лермонтова укрепляет его в мысли, что осознанный статус поэта как оракула Высшей истины не только усиливает меру этой ответственности, но и накладывает особый трагический отпечаток на жизненную судьбу его носителя.

03.03.2017

Список литературы:

1. Барабаш, Ю. Т.Г. Шевченко. Семантика и структура поэтического текста / Ю. Барабаш. – М.: ИМЛИ РАН, 2011. – 432 с.
2. Бігун, О. Християнський месіанізм: Тарас Шевченко і Кирило-Мефодіївське братство / О. Бігун // Шевченкознавчі студії. Збірник наукових праць. – Вип. 17. – Київ: Київський університет, 2014. – С. 9–16.
3. Горленко, В.П. Альбомы и рисунки Шевченко в собрании В.В. Тарновского / В.П. Горленко // Киевская старина. – 1886. – Т. XIV. – Февраль. – С. 402–409.
4. Гудима, А. Спокута як шлях творення себе героєм ліро-епічних поем Тараса Шевченка / А. Гудима // Шевченкознавчі студії. Збірник наукових праць. – Вип. 13. – Київ: Київський університет, 2011. – С. 34–39.
5. Жур, П.В. Труды и дни Кобзаря / П.В. Жур. – Люберцы: Люберецкая газета, 1996. – 568 с.
6. Заславский, И. Лермонтов и Украина. Литературно-критический очерк / И. Заславский. – Київ: Дніпро, 1989. – 348 с.
7. Юфанов, Д.М. Шевченко і Лермонтов / Д.М. Юфанов. – Київ: Радянська Україна, 1962. – 38 с.
8. Кирилук, Е.П. Тарас Шевченко. Критико-биографический очерк / Е.П. Кирилук; пер. с укр. Е. Кирилюка. – М.: Худож. лит., 1988. – 350 с.
9. Коломієць, В. Народна пісня в житті і творчості Тараса Шевченка / В. Коломієць, О. Іванова // Шевченкознавчі студії. Збірник наукових праць. Вип. 16. – Київ: Київський університет, 2013. – С. 30–37.
10. Лермонтов, М.Ю. Полн. собр. соч. в 10-ти т. / М.Ю. Лермонтов. – Т. 2. – М.: Воскресенье, 2000. – 404 с.
11. Мацапура, М. Шанувальник лермонтовської музи / М. Мацапура // Україна. – 1964. – №41. – С. 10.
12. Мостова, Л. Художньо-стильова специфіка балад Тараса Шевченка / Л. Мостова, А. Порожнюк // Шевченкознавчі студії. Збірник наукових праць. – Вип. 18. – Київ: Київський університет, 2015. – С. 85–92.
13. Прийма, Ф.Я. Шевченко и русская литература XIX века / Ф.Я. Прийма. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. – 412 с.
14. Слухай (Мологаева), Н. Художественный образ в зеркале мифа этноса: М. Лермонтов, Т. Шевченко: монография / Н. Слухай (Мологаева). – Київ: Укрспецмонтажпроект, 1995. – 486 с.
15. Собонович, В. Титани духу (Лермонтов і Шевченко) / В. Собонович // Дніпро. – 1964. – №10. – С. 124–130.
16. Тарас Шевченко: Документи та матеріали до біографії. 1814–1861 / За ред. Є.П. Кирилюка. – Київ: Вища школа, 1982. – 432 с.
17. Шевченко, Т.Г. Повне зібрання творів: У 12 т. / Т.Г. Шевченко; редкол.: М.Г. Жулинський (голова) та ін. – Київ: Наук. думка, 2001.

Сведения об авторе:

Ларкович Дмитрий Владимирович, профессор кафедры филологического образования и журналистики, декан филологического факультета Сургутского государственного педагогического университета, доктор филологических наук, доцент
628417, Тюменская область, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2, e-mail: dv110@yandex.ru